

Низовская К.Ф., Демидова Г.С.

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕГО УЧРЕДИТЕЛЯ – СУБСИДИАРНОГО ДОЛЖНИКА

Nizovskaya K.F., Demidova G.S.

TO THE QUESTION OF BRINGING THE INHERITANCE FUND TO RESPONSIBILITY FOR THE OBLIGATIONS OF ITS FOUNDER - SUBSIDIARY DEBTOR

В статье рассматривается вопрос о применении норм о субсидиарной ответственности наследодателя после его смерти и возложении возникших в результате такого применения обязательств на учрежденный им наследственный фонд. Данная проблема достаточно актуальна на сегодняшний день ввиду коренного изменения подхода Верховного Суда Российской Федерации к вопросу привлечения наследников к данному виду ответственности. Ситуация осложняется прямым запретом законодателя на привлечение наследственного фонда к субсидиарной ответственности и иными пробелами в правовом регулировании вопросов, связанных с наследственными фондами в России. При этом несмотря на актуальность и сложность этого вопроса, в юридической литературе он не получил должного освещения. Авторы в статье анализируют сложившуюся в последние годы судебную практику по вопросу привлечения наследников к субсидиарной ответственности по обязательствам умершего лица, различные подходы ученых-юристов к вопросу и применяют их по аналогии к наследственному фонду как к наследнику лица, его учредившего. По результатам проведенного анализа авторы приходят к выводу о необходимости внесения изменений в положения Гражданского кодекса Российской Федерации о наследственных фондах в части исключения положения о том, что наследственный фонд не может привлекаться к субсидиарной ответственности по обязательствам его учредителя.

Ключевые слова: наследственный фонд, наследник, личный фонд, субсидиарная ответственность, обязательство.

The article deals with the issue of the possibility of bringing the inheritance fund, as the heir of the person who founded it, to liability for the obligations of the testator, in which he acted as a subsidiary defendant. This problem is quite relevant today due to a radical change in the approach of the Supreme Court of the Russian Federation to the issue of bringing heirs to this type of liability. The situation is complicated by a conflict in the form of a direct ban by the legislator on bringing the inheritance fund to subsidiary liability and other gaps in the legal regulation of issues related to inheritance funds in Russia. At the same time, despite the relevance and complexity of this issue, it has not received proper coverage in the legal literature. The authors in the article analyze the judicial practice that has developed in recent years on the issue of bringing heirs to

subsidiary liability for the obligations of a deceased person, the various approaches of legal scholars to the issue and apply them by analogy to the inheritance fund as to the heir of the person who founded it. Based on the results of the analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to amend the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on inheritance funds in terms of excluding the provision that the hereditary fund cannot be held subsidiary liable for the obligations of its founder.

Keywords: inheritance fund, heir, personal fund, subsidiary liability, obligation.

Законодательство России в качестве одного из способов распоряжения имуществом гражданина после его смерти предусматривает возможность создания наследственного фонда, который представляет собой юридическое лицо, создаваемое нотариусом после смерти гражданина в соответствии с его завещанием для управления имуществом умершего.

В настоящее время наследственный фонд является достаточно спорным институтом гражданского права России, что обусловлено неапробированностью его на практике (на сегодняшний день отсутствуют сведения о созданных наследственных фондах) пробелами и недоработками правовых норм, регулирующих данный вопрос; отсутствием судебной практики.

Стоит отметить, что проблемы законодательного регулирования вопросов, связанных с наследственными фондами, обсуждаются уже давно как представителями власти, так и учеными-юристами. При этом хоть сколько-нибудь значимых результатов эти обсуждения не принесли.

Так, изменения, внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в прошлом году, предусмотрели возможность создания личных фондов, в том числе и прижизненных. При этом положения Кодекса о наследственных фондах не претерпели изменений, соответственно, все существовавшие проблемы так и остались нерешенными.

Особенно важной из них, вызывающей широкий резонанс, является проблема привлечения наследственного фонда к ответственности по обязательствам его учредителя, в которых учредитель выступал субсидиарным должником.

Субсидиарная ответственность в самом общем виде представляет собой право взыскания неполученного долга с другого лица, если основной должник не может его погасить (статья 399 ГК РФ).

Для прижизненной формы личного фонда законодатель прямо предусмотрел возможность привлечения личного фонда к субсидиарной ответственности по обязательствам его учредителя в течение

трех лет со дня его создания. В исключительных случаях, когда кредиторы по уважительным причинам не смогли обратиться с требованиями к личному фонду в течение трех лет, этот срок может быть продлен судом, но не более чем до пяти лет со дня его создания (часть 6 статьи 123.20-4 ГК РФ).

При этом наследственный фонд законодатель «уберег» от привлечения к субсидиарной ответственности.

Если в случае с личным фондом все представляется весьма логичным и объяснимым: гражданин передает свое имущество или его часть в фонд, следовательно, нужны механизмы, сдерживающие собственника имущества от злоупотребления своим правом по распоряжению активами и защищающие права кредиторов этого лица. Таким механизмом, в том числе является субсидиарная ответственность.

Но в случае с наследственным фондом подход законодателя неясен.

Так, один из авторов закона о наследственных фондах – П.В. Крашенинников объясняет это тем, что наследственный фонд является наследником, поэтому не может нести субсидиарную ответственность по обязательствам учредителя. Как наследник такой фонд отвечает по обязательствам умершего в пределах перешедшего к нему наследственного имущества [2].

Такой же позиции придерживается и А.В. Демкина в своей статье «Личные фонды в рамках реформы наследственного права России» [1, с. 69].

Однако представляется, что такое положение дел может привести к нарушению прав кредиторов лица, учредившего наследственный фонд, выводу активов из-под возможного обращения взыскания на них.

Об этом говорят и многие ученые-юристы.

Так, Е.А. Сауткина полагает, что институт наследственного фонда не способствует защите интересов кредиторов, и в данном аспекте гораздо более справедливым механизмом управления имуществом по отношению к кредиторам соб-

ственника имущества, является личный фонд [6, с. 16].

Ю.С. Харитоновна также говорит о наличии рисков освобождения наследственного фонда от тех или иных видов ответственности и считает это «опасной тенденцией гражданского оборота» [8, с. 27].

О. Кречетова, Н. Рассказова и М. Шварц полагают, что «запрет обращения взыскания на тот или иной вид имущества - разновидность привилегии. Привилегия с необходимостью влечет неравенство субъектов гражданского права, а потому должна иметь социальное и политико-правовое основание» [3, с. 21].

При этом вопрос привлечения наследственного фонда к ответственности по обязательствам учредителя – субсидиарного должника в научной литературе не поднимается вовсе.

Представляется, что освобождение наследственного фонда от привлечения к субсидиарной ответственности, в частности по обязательствам учредителя – субсидиарного должника, со ссылкой на то, что он является наследником, в корне неверно. Данный вывод следует из анализа законодательства и судебной практики по данному вопросу, который можно распространить по аналогии и на наследственный фонд.

Согласно статьи 1116 ГК РФ наследственный фонд является наследником по завещанию, соответственно, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества (часть 1 статьи 1175 ГК РФ).

Согласно пункту 58 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» под долгами наследодателя, по которым отвечают наследники, следует понимать все имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства обязательства, не прекращающиеся смертью должника, независимо от наступления срока их исполнения, а равно от времени их выявления и осведомленности о них наследников при принятии наследства.

В пункте 14 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено, что в состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в частности: вещи, включая деньги и ценные бумаги; имущественные права; имущественные обязанности, в том числе долги в пределах стоимости перешедшего к наследникам наследственного имущества.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами.

Согласно статье 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника. Под неразрывной связью следует понимать возможность его исполнения только самим должником. Исключается возможность его исполнения другими лицами.

Возмещение убытков, являющееся мерой ответственности должника за нарушение прав его кредиторов, причиненных при осуществлении предпринимательской деятельности умершего, и субсидиарная ответственность должника не связаны неразрывно с личностью ответчика. Указанные обязательства могут быть исполнены за счет имущества умершего ответчика в пределах принятой наследственной массы его наследниками, следовательно, спорные правоотношения допускают возможность процессуального правопреемства.

Аналогичный подход можно найти в судебной практике последних лет (например, определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2022 г. № 17АП-17851/21 по делу № А60-39057/2020, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 1 июля 2022 г. № Ф09-9109/12 по делу № А50-24417/2011 и т.д.).

Таким образом, наследственный фонд, как и любой другой наследник, может привлекаться к субсидиарной ответственности по обязательствам своего учредителя, в том числе и по обязательствам, возникающим в связи с привлечением учредителя к субсидиарной ответственности. Ключевым моментом здесь является то, что субсидиарная ответственность не связана неразрывно с личностью наследодателя, и обязательство может быть исполнено наследником за счет имущества умершего в пределах его стоимости.

Как отмечает Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв.

Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.), иное толкование допускает возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов, что представляется несправедливым.

При этом не имеет значения момент предъявления и рассмотрения иска о привлечении должника к субсидиарной ответственности: до либо после его смерти. В последнем случае иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества.

Не имеет значения также, вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество (а в рассматриваемом случае – передано ли оно наследственному фонду), которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность.

Однако в юридической литературе такой подход вызвал споры. Не все согласны с подходом Верховного Суда РФ.

Так, А.Д. Пархоменко полагает, что данная позиция видится отнюдь не однозначной. По его мнению, корреляция ответственности за неполное погашение требований кредиторов и универсального правопреемства в наследовании де-факто уравнивает в статусе реального должника и его наследников, что видится несправедливым, в том числе ввиду отсутствия какого бы то ни было состава правонарушения в действиях наследников [5, с. 44].

Не следует забывать, что обязанность наследников по погашению долгов наследодателя нельзя рассматривать как гражданско-правовую ответственность в собственном смысле слова. По сути это квазиответственность, в основании её лежит не противоправное поведение наследников и их виновность, а универсальность правопреемства при наследовании.

Ю.В. Тай, С.В. Будылин также негативно относятся к последним тенденциям в правоприменительной практике. Они полагают, что с учетом российских стандартов доказывания, перегруженности судов и прочих недостатков предложенный Верховным судом Российской Федерации подход будет означать, что наследники всегда будут виновны. «Поскольку они не в курсе событий, все остальные участники процесса имеют огромную, а воз-

можно, и непреодолимую фору перед ними. На мертвого свалить проще всего! Наследники же бывают детьми, а иногда даже грудничками. Как и кто их будет защищать?» [7, с. 7].

П.М. Морхат полагает, что наследникам должника лица будет крайне затруднительно представить арбитражному суду информацию и доказательства, которые смогут опровергнуть вину должника, подтвердить его добросовестность при совершении тех или иных сделок или операций и убедить суд в необходимости снизить размер ответственности либо полностью исключить ее. Вместе с тем, П.М. Морхат не отрицает и то, что при детальном и всестороннем исследовании судами обстоятельств каждого конкретного спора привлечение наследников к субсидиарной ответственности в ряде случаев может являться справедливым и обоснованным [4].

Между тем, по нашему мнению, привлечение наследственного фонда к субсидиарной ответственности по обязательствам его учредителя-субсидиарного должника вполне законодательно обоснованно и справедливо ввиду следующего.

Как уже отмечалось, к наследникам, к которым относится и наследственный фонд, переходят как права, так и обязательства наследодателя. Субсидиарная ответственность как раз-таки возникает из обязательств вследствие причинения вреда тем или иным лицам.

Как правило, с учетом специфики рассматриваемых правоотношений, вред причиняется именно юридическим лицам неправомерными действиями руководителя, собственника, контролирурующих лиц, которые могут выражаться, например, в выводе активов, растрате денежных средств и т.д. То есть, ущерб имеет вполне конкретную денежную оценку и не привязан непосредственно к личности умершего.

При этом нарушения прав наследников (в данном случае наследственного фонда и его выгодоприобретателей), наложения на них дополнительных расходов здесь также не усматривается ввиду того, что к субсидиарной ответственности по обязательствам наследодателя наследник может быть привлечен только в пределах стоимости полученного наследственного имущества.

Аргументы о том, что наследники не в курсе всех обстоятельств дела и не смогут себя защитить, являются слабой стороной правоотношений, в случае с наследственным фондом не выдерживают

критики, поскольку наследственный фонд является юридическим лицом, учрежденным для управления активами, крупным бизнесом, что предполагает наличие штатных юристов или привлеченных консультантов.

Таким образом, защита на законодательном уровне наследственного фонда от привлечения его к субсидиарной от-

ветственности противоречит нормам права и подходу, сложившемуся в судебной практике и является очередным дефектом в нормативном регулировании данного института права.

В связи с чем, представляется, что указанное положение подлежит исключению из части 6 статьи 123.20-4 ГК РФ в целях устранения данной коллизии.

Литература

1. Дёмкина А.В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 63-74.
2. Заявление российской делегации в Парламентской конференции Балтийского моря // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/53585> (дата обращения 24.07.2022).
3. Кречетова О., Рассказова Н., Шварц М. и др. Новые имущественные иммунитеты в российском праве // Закон. 2018. № 6. С. 17-30.
4. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность и наследство контролирующего должника лица // Судья. 2021. №2. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77244467>.
5. Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 35-44.
6. Сауткина Е.А. Наследственный фонд: проблемы законодательного регулирования в контексте обеспечения прав правопреемников // Наследственное право. 2019. № 4. С. 14 - 16.
7. Тай Ю.В., Будылин С.Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 // Вестник экономического правосудия. 2020. № 6. С. 4-22.
8. Харитонов Ю.С. Правовой статус выгодоприобретателя наследственного фонда // Законодательство. 2019. № 2. С. 24-29.

References

1. Djomkina A.V. Lichnye fondy v ramkah reformy nasledstvennogo prava Rossii // Imushhestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2021. № 12. S. 63-74.
2. Krasheninnikov P.V. Nasledstvennoe pravo (Vkljuchaja nasledstvennye fondy, nasledstvennye dogovory i sovmestnye zaveshhaniya). 4-e izd., pererab. i dop. Moskva: Statut, 2019. 302 s.
3. Krechetova O., Rasskazova N., Shvarc M. i dr. Noveye imushhestvennye immunitety v rossijskom prave // Zakon. 2018. № 6. S. 17-30.
4. Morhat P.M. Subsidiarnaja otvetstvennost' i nasledstvo kontrolirujushhego dolzhnika lica // Sud'ja. 2021. №2.
5. Parhomenko A.D. Shodstva i razlichija podhodov k pravovomu regulirovaniju subsidiarnoj otvetstvennosti kontrolirujushhih dolzhnika lic v rossijskom i zarubezhnom prave // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 12. S. 35-44.
6. Sautkina E.A. Nasledstvennyj fond: problemy zakonodatel'nogo regulirovanija v kontekste obespechenija prav pravopreemnikov // Nasledstvennoe pravo. 2019. № 4. S. 14 - 16.
7. Taj Ju.V., Budylin S.L. Syn za otca otvechaet. Subsidiarnaja otvetstvennost' chlenov sem'i direktora v bankrotstve kompanii. Kommentarij k opredeleniju Sudebnoj kollegii po jekonomicheskim sporam VS RF ot 23.12.2019 № 305-JeS19-13326 // Vestnik jekonomicheskogo pravosudija. 2020. №6.
8. Haritonova Ju.S. Pravovoj status vygodopriobretatelja nasledstvennogo fonda // Zakonodatel'stvo. 2019. № 2. S. 24-29.

НИЗОВСКАЯ Ксения Федоровна, аспирант кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: kseniya-box14@yandex.ru.

ДЕМИДОВА Галина Степановна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет (национальный ис-

следовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76. E-mail: de.lis@bk.ru.

NIZOVSKAYA Kseniya Fedorovna, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Civil Litigation, South Ural State University (National Research University). 454080, Chelyabinsk, pr. Lenina, 76. E-mail: kseniya-box14@yandex.ru.

DEMIDOVA Galina Stepanovna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Litigation, South Ural State University (National Research University). 454080, Chelyabinsk, pr. Lenina, 76. E-mail: de.lis@bk.ru.

